

**АКАДЕМИК М.И. РОСТОВЦЕВ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ С НАУКОЙ
НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ 1917 г.**

© 2023 г. В. С. Соболев^{а,*}

^аСанкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: vlad_history@mail.ru

Поступила в редакцию 03.02.2023 г.

После доработки 06.02.2023 г.

Принята к публикации 14.02.2023 г.

Недавно в газете кадетской партии “Свободный народ” (Петроград) была обнаружена небольшая, незаслуженно забытая статья академика М.И. Ростовцева под заголовком “Новый строй и наука”. Она была опубликована в августе 1917 г. Её лейтмотив – только твёрдая государственная власть может гарантировать сохранение и развитие культуры и науки в России. Ослабление государства в результате мощных революционных потрясений, по мнению учёного, – главная опасность для научной жизни страны. Эта публикация интересна и сейчас, в трудный период реформирования науки и образования в современной России.

Ключевые слова: роль науки в обществе, власть и наука, академик М.И. Ростовцев, учёный и власть, эволюция взглядов, гражданская позиция.

DOI: 10.31857/S0869587323030118, EDN: SIPFUF

Жизнь, деятельность и научное наследие выдающегося историка античности, археолога, филолога-классика академика М.И. Ростовцева (1870–1952) много лет служат объектом тщательного исследования историков науки, и на этом поприще уже достигнуты впечатляющие результаты. Поэтому любая новая информация по теме, на наш взгляд, представляет научный интерес.

Изучая материалы периодической печати за 1917 г., в газете кадетской партии “Свободный народ” (от 10 августа 1917 г.) была обнаружена статья Ростовцева “Новый строй и наука”. Следует обратить внимание на тот факт, что в опубликованных “Материалах к библиографии М.И. Ростовцева”, куда включены названия 680 его работ за период 1894–1995 гг., эта статья не упоминается [1, с. 200–221]. Не вошла она и в материалы специального сборника “М.И. Ростовцев. Политические статьи”, вышедшего в 2002 г. [2]. Поэтому целесообразно познакомить читателей с забытой статьёй видного учёного, имея в виду, что

вопрос успешного взаимодействия научного общества и власти актуален и в наши дни.

Михаил Иванович Ростовцев

СОБОЛЕВ Владимир Семёнович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора истории Российской академии наук и научных учреждений СПбФ ИИЕТ РАН.

Следует вкратце остановиться на предыстории этой публикации в далёком августе 1917 г. В начале XX в. М.И. Ростовцев — весьма заметная фигура в научной и общественно-политической жизни столицы Российской Империи. Известны были его симпатии к либеральному конституционно-демократическому движению, в 1905 г. он вступил в партию “Народной свободы”. Однако как следствие революционных событий 1905—1907 гг. его взгляды претерпели существенную эволюцию. Теперь идеалом политического устройства России он стал считать установление конституционной монархии. Главная причина — убеждение учёного в том, что только твёрдая государственная власть может быть гарантом сохранения и развития культуры и науки. Об этом свидетельствовали и весь опыт развития России, и конкретные исторические условия. А ослабление государства революционными потрясениями, по мнению Ростовцева, составляло главную опасность для общественной и культурной жизни.

Подобные взгляды привели его к принципиальному несогласию с основной политической линией кадетской партии. А это в свою очередь обусловило его отдаление от активной политической деятельности. В послереволюционный период (1908—1914) М.И. Ростовцев проявил себя прежде всего как крупный и авторитетный организатор научных исследований. Однако он находил время и для общественного служения — занимался благотворительностью.

В годы Первой мировой войны учёный был одним из руководителей общероссийского “Комитета помощи увечным воинам”, организовывал сборы средств для раненых солдат, офицеров и беженцев [3, с. 6]. Например, благодаря только одному подобному мероприятию, состоявшемуся 18—20 февраля 1917 г., в Петрограде была собрана внушительная сумма — более 500 тыс. руб. Общественная деятельность Ростовцева была высоко оценена правительством союзной Франции, наградившим его Орденом Почётного легиона.

Развитие событий в России после Февральской революции вызывало у Ростовцева тревогу и озабоченность. Он неоднократно предупреждал общество об опасности, которую представляют для культуры и науки “потрясения внутри устоев государства, особенно в условиях тяжёлой войны” [4, с. 73]. Именно эта глубоко волновавшая учёного тема и стала лейтмотивом его статьи “Новый строй и наука”. Прежде всего Ростовцев указал на то, что “научное творчество — свободное и индивидуальное... немислимо без постоянной и деятельной материальной и моральной поддержки государства” [5, с. 1]. Он также упомянул о надеждах, которые возлагались научным сообществом на революцию: “Русская наука ждала от нового строя новой свободной и широкой жизни”

[5, с. 1]. Данный тезис завершается риторическим вопросом: “Дождётся ли она её?”. Действительно, статья была опубликована в тот момент, когда ситуация в России уже вышла из-под контроля либеральных политических кругов и буржуазно-демократическая революция неумолимо двигалась к пропасти.

Для современных историков важно, что автор статьи в той полной драматизма ситуации сохранил верность служению науке и своей вере в неё: “России наука нужна, как воздух... без самостоятельной и творческой национальной науки немислим никакой прогресс” [5, с. 1].

Следует сказать несколько слов о самой газете “Свободный народ”. В условиях подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание ЦК кадетской партии принял решение об издании второй газеты в дополнение к известной газете “Речь”, которая выходила с 1906 г. Новая газета должна была стать более популярной и доступной для читателей, а значит, себестоимость её производства и розничная цена должны были быть гораздо ниже, чем у “Речи”, которая, кстати, всегда была убыточной. Так в начале июня 1917 г. появилась кадетская газета “Свободный народ”. В начале августа 1917 г. её редактором был назначен известный деятель кадетской партии князь В.А. Оболенский. Как выпускник Петроградского университета он поддерживал дружеские отношения с рядом ярких представителей отечественной науки — П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановским, С.Ф. Ольденбургом и другими. Полагаем, что это обстоятельство и стало одной из веских причин публикации статьи академика М.И. Ростовцева именно в “Свободном народе”.

Несколько позднее, в сентябре 1917 г., в журнале “Русская мысль” вышла ещё одна статья учёного — “Наука и революция”. В ней он вновь обратился к вопросу о путях развития отечественной науки. По его убеждению, именно мощь и стабильность Русского государства на протяжении веков служили “гарантом успешного развития культурной и научной жизни в стране”. Соответственно, “подрыв российской государственности” был “равносилён гибели культуры и науки” [6, с. 1—15].

Уже находясь в эмиграции, Ростовцев в своих работах неоднократно возвращался к вопросу о роли и месте науки в России. Так, в лекции, прочитанной в апреле 1919 г. в Университете Манчестера, он указывал на то, что русская наука имеет свои характерные черты и особенности, в частности, “все члены Академии наук состоят на службе у государства, получают жалованье и посвящают себя научной работе” [2, с. 63].

подъёма, который пережила русская литература, музыка, пластические искусства. Почему это так? По той простой причине, что научное творчество — свободное и индивидуальное — нуждается однако в прочной организации, в постоянной поддержке, в создании и поддержании ряда учреждений, немислимых без постоянной материальной и моральной поддержки государства. Индивидуальных и гениальных творцов в области науки Россия дала, может быть, не меньше, чем в области литературы и искусства. Но творческая их работа была одинока, их не окружала дружная семья со работников, их не поддерживала мысль об увековечении своей идеи в созданных ими учреждениях, где бы эта творческая идея разрабатывалась соединёнными усилиями сплотившегося около одного дела дружного кружка лиц. Не создавалось школы, не было научной среды, которая бы подхватила брошенную мысль, не было отклика в широких массах.

Не удивительно, что при таких условиях русская наука, за немногими исключениями, не могла завоевать себе международного признания и русский язык до сих пор ещё не вошёл в обиход мировой науки. Мало создать отдельных научных творцов, нужно, чтобы миру ясно было, что эти творцы не одни, что за их плечами стоит сплочённая рать учеников и сотрудников и что без знакомства с этими планомерными научными достижениями немислима дальнейшая работа в той или другой области. Для одного — хотя бы и великого — учёного не стоит учиться новому языку, его идеи и так сделаются достоянием мира, так рассуждали наши западноевропейские коллеги. И масса глубоких и творческих идей русских учёных не находила себе доступа в мировую науку, терялась и погибала, пока вновь не высказывалась где-нибудь в Зап. Европе, где немедленно находила себе дальнейшую разработку и развитие.

Но всё же внешнее официальное признание, внешнее уважение к науке, видимость поддержки науки старое государство всегда проявляло и высказывало. Не для всех ясно было, что за этим показным фасадом скрыты холодность, недружелюбие, недоверие.

В тяжких муках войны и революции рождается новая Россия. Потрясённая тяжкими испытаниями военного времени, приостановившего и возможность научной спокойной работы, и снабжение науки необходимым книжным и другим материалом, и глубоко важное для науки развитие международного научного общения, русская наука ждала от нового строя новой свободной и широкой жизни.

Дождётся-ли она её? Этот вопрос встаёт перед нами всё тревожнее и тревожнее. России наука нужна, как воздух. Не говоря уже о том, что без самостоятельной и творческой национальной на-

уки немислим никакой прогресс в области экономической и материальной жизни, в области техники и всего, что с нею связано, для всякого должно было бы быть ясно, что самоё существование народа, его социальное и культурное развитие неразрывно и навсегда связаны с развитием его творческой мысли и его художественного гения. Развитие же это может быть действительным и плодотворным только при условии полного классового мира, согласованной и дружной работы всех, прочного и устойчивого экономического состояния и международного положения.

Идём-ли мы по этому пути, тому единственному пути, который может создать из невежественного, неграмотного и морально распущенного народа прочный, сильный, единый культурный организм?

Сознаём ли мы, что только культура даст возможность создать и упрочить новый более совершенный социальный строй? И ясно-ли нам, что культуру создают не только школы грамотности, а планомерное и согласованное развитие всех творческих сил страны, среди которых особенно ценны и особенно важны научные силы?

Боюсь, что сознают это далеко не все и особенно мало те, в чьих руках теперь волею обстоятельств очутились судьбы России. Лозунгом большинства социалистических партий является в данный момент борьба с буржуазией, которая отождествляется с реакцией. Мы и здесь, как и в вопросе о мире “без аннексий и контрибуций”, занимаемся, по старой укоренившейся привычке, переводом иностранного.

Борьба с буржуазией стала лозунгом западноевропейской социал-демократии — правда, не в данный момент, — ясно, что она же должна быть лозунгом для нас. И наши социалисты усердно занялись натравливанием народных масс на буржуев.

Народные массы это, конечно, восприняли по своему. Буржуи — это все те, которые живут не так, как живут народные массы, живут по барски, т.е. более или менее культурно, с некоторым очень отдалённым приближением к тому, что называется культурной жизнью в Зап. Европе.

В России огромное большинство этих предполагаемых буржуев не что иное, как её интеллигенция, в которую там и здесь вкраплены крупинки настоящих буржуа в зап. европейском смысле этого слова. И борьба с буржуазией через посредство народных масс есть вселение недоверия в народе к интеллигенции, к культуре, к прогрессу. Та же работа, которую делали когда то слуги старого режима. И какой бы красивый фасад ни возводили социалисты перед этим ужасающим фактом, как бы ни старались они подчеркнуть своё уважение к просвещению и науке, они не в силах будут прикрыть им то, к чему ведёт их призыв к

борьбе с буржуазией, т.е. их стремление углубить пропасть между культурной и некультурной Россией, создать ещё на долгие годы атмосферу недоверия и вражды, в которой не может вырасти ни настоящий прогресс, ни настоящая культура, ни творческая наука.

Наше спасение сейчас только в единении, в переходе дружными усилиями к творческой работе, в создании атмосферы доверия на основе любви к родине. Продолжение работы разрушения грозит долгим застоём, рядом лет варварства всех и культурного рабства немногих. Не разрушение и не борьба дадут новый социальный строй, а упорная и самоотверженная работа для укрепления культуры, для воссоздания заснувших творческих сил России.

М. Ростовцев

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зуев В.Ю.* Материалы к библиографии М.И. Ростовцева // Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. С. 200–221.
2. *Ростовцев М.И.* Вклад России в науку. Политические статьи / Сост. К.А. Аветисян. СПб.: Наука, 2002.
3. *Родзянко М.В., Ростовцев М.И.* Петроград – увечным воинам. Письмо в редакцию // Речь. 25 февраля (10 марта) 1917 г. С. 6.
4. *Зуев В.Ю.* Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997.
5. *Ростовцев М.И.* Новый строй и наука // Свободный народ. 10 августа 1917 г.
6. *Ростовцев М.И.* Наука и революция // Русская мысль. Сентябрь–октябрь 1917 г. С. 1–15.